

ЭПОХА ПУТИНА

Два десятилетия пребывания Владимира Путина у власти — недостаточное время для подведения окончательных итогов его правления, в том числе в области внешней политики. Ситуация динамична, будущее непредсказуемо в принципе, а у Путина после конституционных поправок 2020 года остается еще неопределенно долгое время — по крайней мере до 2036 года, в течение которого он может оставаться наиболее влиятельной политической фигурой в России. Тем не менее очевидно, что эпоха Путина в российской истории движется к завершению и попытка осмысления всего сделанного за эти 20 лет не только полезна, но и необходима ввиду неизбежных в будущем перемен.

Внешнеполитические итоги правления Путина можно подводить по разным основаниям и критериям.

.....
Насколько можно судить, сам президент начиная с 1999 года преследовал две главные цели: сохранить единство России и восстановить ее статус великой державы на мировой арене. Это ему удалось.

Война на Северном Кавказе завершилась не только полным разгромом террористов, но и мирным урегулированием и восстановлением разрушенного. Формальное верховенство конституции и реальный авторитет центральной власти утвердились на всей территории Российской Федерации (в Чечне — в особой форме унии с Кремлем). Олигархат, реально властвовавший во второй половине 1990-х годов, был укрощен, а властная и владеющая богатствами элита существенно расширена за счет включения большого количества

выходцев из силовых структур и тех, кого сам Кремль приблизил к себе. Россия, в самом конце XX века почти списанная со счетов в мировом раскладе сил, спустя полтора десятилетия вернулась на глобальную арену не только в качестве самостоятельного участника, но как один из крупных и наиболее активных геополитических и военных игроков.

С точки зрения поставленных целей это очевидные достижения, хотя и за централизацию власти, и за великодержавный статус пришлось заплатить большую цену. Выстраивание вертикали власти произошло на традиционной для России авторитарной основе. Политический режим, сменивший хаос 1990-х, так и не смог пока дорасти до полноценного выполнения функций государства: он обслуживает преимущественно интересы узких элит, эксплуатирующих ресурсы страны в личных и групповых целях. С учетом постепенного, но ощутимого роста гражданского сознания россиян это предвещает серьезные проблемы в будущем. Надо учитывать также, что утверждение России как великой державы произошло в условиях возобновления конфронтации с США, что предполагает длительную и неравную борьбу.

Внешнеполитическое наследие Владимира Путина обширно и разнообразно. Формирование этого наследия было сложным и противоречивым, внешнеполитический курс Москвы не раз менялся, особенно на западном направлении.

Путина в самом начале его президентства называли «немцем в Кремле»¹¹². Для человека, родившегося в Ленинграде, естественно восприятие России как части европейской цивилизации, как страны, чья история неразрывно связана с историей остальной Европы. Источник научных знаний, технологий, идеологий, социальных практик, Европа для

России со времен Петра I — ментор и модель модернизации. Стремление «стать Европой» в традиционном российском представлении — это синоним стремления не только к экономическому и техническому, но и к социально-политическому прогрессу.

Придя к власти, Путин активно общался с западными, прежде всего европейскими, политиками. Его первым партнером стал британский премьер-министр Тони Блэр. Особенно тесные и дружеские отношения сложились у российского президента с канцлером Германии Герхардом Шрёдером и президентом Франции Жаком Шираком. Другими близкими партнерами Путина долго числились премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, председатель Европейской комиссии Романо Проди и глава французского кабинета министров Франсуа Фийон.

Своим коллегам — друзьям Путин активно показывал Россию, и не только ее столицу. В 2003 году он принимал лидеров «восьмерки» в Петербурге, отмечавшем свое 300-летие. В дальнейшем (пока они не прекратились после 2014 года) саммиты Россия — Европейский союз организовывались в разных городах России, которые на время становились дипломатическими столицами — разительный контраст с глухой закрытостью советской глубинки.

Как и Ельцин, Путин первоначально был нацелен на интеграцию России в евро-атлантическое сообщество. В 2000 году Путин активно добивался для России членства в НАТО без предварительных условий. Менее чем через год после косовского кризиса, еще в ходе своей первой избирательной кампании, Путин пригласил генерального секретаря НАТО лорда Джорджа Робертсона посетить Россию. На вопрос корреспондента Би-Би-Си о возможности вступления России в НАТО Путин публично ответил: «Почему нет?» Членство

в НАТО России не было предложено, но в 2002 году был создан Совет Россия–НАТО, который должен был по идее стать основным органом равноправного сотрудничества в области безопасности.

После сентябрьских терактов 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, стремясь сделать Россию важнейшим союзником США в противоборстве с международным терроризмом, Путин не только первым из мировых лидеров позвонил президенту США Джорджу Бушу, но и дал указание Генеральному штабу Вооруженных Сил России оказывать всяческую помощь и поддержку американским войскам, отправленным в Афганистан для уничтожения баз «Аль-Каиды» и свержения приютившей ее власти талибов. Эта помощь плюс содействие антиталибского Северного альянса, с которым Москва сотрудничала в Афганистане, оказались наиболее ценными внешними факторами, способствовавшими успеху операции США «Несокрушимая свобода».

В октябре 2001 года Путин произнес в германском Бундестаге речь на немецком языке, в которой он торжественно провозгласил европейский выбор России¹¹³. Он предложил видение Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, которое в 2003 году нашло выражение в виде четырех общих пространств России и Европейского союза. Не ограничиваясь лозунгами и принципами, Путин настойчиво вел к фактическому сращиванию российской и европейской экономик. Идея заключалась в перекрестном обмене активами между российскими и европейскими компаниями для создания общего экономического пространства. В 2003 году президент РФ лично одобрил крупнейшую сделку — слияние российской нефтяной компании ТНК с транснациональной ВР. Местом обсуждения важнейших вопросов экономического взаимодействия с внешним миром вместо Российского

экономического форума в Лондоне стал ежегодный Петербургский международный экономический форум.

Важнейшими экономическими и геополитическими скрепами Большой Европы должны были, по мысли Путина, служить трубопроводы, доставлявшие российский газ в Германию по дну Балтийского моря («Северный поток» и «Северный поток — 2»), в Италию и Австрию по дну Черного моря («Южный поток»), и в Турцию, так же по Черному морю («Турецкий поток»). Газопроводы из СССР еще с конца 1960-х годов стали прочной материальной основой отношений России и Западной Европы, но именно в 2000-е годы они приобрели центральную, подлинно стратегическую роль в российской политике на европейском направлении.

Вторжение США в Ирак в 2003 году привело не только к охлаждению отношений Москвы и Вашингтона, но и к кратковременному сближению России с Францией и Германией и формированию на этой основе тройственной оппозиции политике США — «новой Антанты»¹¹⁴ внутри, как тогда казалось, *нового Запада*. В этом сближении вновь воплотилась идея российского объединения с ведущими государствами Европейского союза с целью мягкой и пока в целом дружественной коррекции внешнеполитического поведения Вашингтона.

2002–2003 годы стали пиком новейшего российского европейства. Сближение было налицо, хотя и в четко очерченных Западом пределах. Россия была объявлена партнером, но к принятию решений в НАТО ее не допустили.

Вопреки торжественным заверениям, европейские члены Совета Россия–НАТО неизменно выступали с заранее

согласованной позицией вместе с США, оставляя Россию в одиночестве. В Европейском союзе Москве обещали «все общее, кроме институтов» (формула Романо Проди). Даже перспектива членства России в институтах ЕС, однако, с самого начала отсутствовала — так же, как и в случае с НАТО. На этом фоне продолжался процесс присоединения к НАТО и ЕС бывших стран — участниц Организации Варшавского договора и бывших республик СССР.

В 2003 году ряд внутренних процессов в России — арест Михаила Ходорковского и возбуждение дел против нефтяной компании ЮКОС; выборы в Государственный Думу, по результатам которых обе либеральные партии, «Яблоко» и «Союз правых сил», оказались за пределами парламента, — резко изменил отношение западных политических элит и СМИ к президенту Путину и его политике. Дело ЮКОСа расстроило готовившиеся втайне планы покупки этой крупнейшей российской нефтяной компании американской ExxonMobil. Это было большим разочарованием для США. Руководство России обвинили в отходе от демократических и либеральных ценностей. В том же году лидеры ЕС и США нанесли Москве чувствительный удар на пространстве СНГ, расстроив уже подготовленное Россией соглашение по примирению в Молдавии (так называемый план Козака) буквально накануне визита в эту страну Путина. Россия, со своей стороны, прекратила участие в миротворческих операциях в Косово и Боснии и Герцеговине, осуществлявшихся под руководством НАТО, и вывела своих миротворцев с Западных Балкан.

2004 год закрепил и усилил тенденцию к охлаждению отношений с Западом. Прибалтийские государства и Словакия были приняты в НАТО, а восточноевропейские страны — Польша, Венгрия и Чехия, вошедшие туда пятью годами

ранее, — в ЕС. Внутри НАТО и ЕС стал складываться блок государств, современная идентичность которых выстраивалась на тезисе, что все они являлись жертвами российского империализма и советского коммунизма. Эти же страны — «новая Европа», по словам американского министра обороны Дональда Рамсфелда, — превращались в наиболее ревностных проводников политики США в Европе.

В Грузии и на Украине тем временем произошли цветные революции, развернувшие вектор внешней политики этих стран в западном направлении. «Революция роз» в Тбилиси обострила отношения с Москвой на почве конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. «Оранжевая революция» в Киеве одновременно нанесла удар по российскому влиянию в крупнейшей из бывших советских республик и наглядно продемонстрировала технологии прозападной смены режимов в полуавторитарных государствах бывшего СССР. На этом фоне тон западных СМИ и риторика политиков в отношении России становились все более жесткими и недружественными. Владимир Путин в своей речи, произнесенной в сентябре 2004 года непосредственно после трагедии в Беслане¹¹⁵, фактически впервые после окончания холодной войны указал на США как на недругов России.

Вскоре пришел конец доверительным отношениям между Москвой, с одной стороны, и Берлином и Парижем — с другой. В 2005 году Герхард Шрёдер, а в 2007-м Жак Ширак ушли из власти. Отношения между Путиным и президентом США Джорджем Бушем сохранялись до начала 2009 года, когда Буш покинул Белый дом, но этот хороший личный контакт чем дальше, тем больше контрастировал с постоянно ухудшавшимися российско-американскими отношениями. Убийство в 2006 году в Лондоне Александра Литвиненко, бывшего офицера ФСБ и охранника беглого олигарха Бориса

Березовского, в котором англичане обвинили Кремль, положило начало резкому похолоданию в отношениях с Великобританией, за последующие полтора десятилетия ставших только хуже.

Замечание, сделанное Путиным в 2006 году в послании Федеральному собранию о том, что распад СССР был «крупнейшей геополитической катастрофой»¹¹⁶, на Западе расценили как сигнал о радикальном повороте внешней политики России. Развернутым обвинением политики США в гегемонизме и одновременно декларацией геополитической самостоятельности России стало выступление Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Мюнхенская речь стала политическим и психологическим водоразделом.

⋮ *Россия сошла с орбиты Запада, на периферии которого она*
 ⋮ *находилась с самого конца советской эпохи.*
 ⋮

В 2007 году в Североатлантический альянс вступили Румыния и Болгария. Москва отнеслась к этому, как и к состоявшемуся тремя годами раньше расширению НАТО в Прибалтике, внешне спокойно, но внутреннее напряжение в России росло. В начале 2008 года на повестке дня у НАТО неожиданно для Москвы оказался вопрос о начале процесса присоединения к блоку (через так называемый Membership Action Plan) Украины и Грузии. Путин специально — и единственный раз в жизни — приехал на атлантический саммит (формально — на заседание Совета Россия–НАТО) в Бухарест, чтобы предостеречь НАТО от опасного, как он считал, решения. Германия и Франция, также считавшие такое расширение опасным, заблокировали немедленное начало процесса приема двух бывших советских республик, которое

лоббировали США, но вынуждены были согласиться с обещанием, что Грузия и Украина когда-нибудь обязательно вступят в НАТО.

Такой формальный компромисс внутри НАТО оказался совершенно негодным. Путинские предостережения о хрупкости украинской государственности были восприняты на Западе как угрозы со стороны бывшей имперской метрополии, а предложенный вскоре Москвой — уже новым президентом Дмитрием Медведевым — договор о европейской безопасности, призванный остановить дальнейшее расширение НАТО, был фактически проигнорирован американцами и их союзниками. Со своей стороны, президент Грузии Михаил Саакашвили попытался силой решить проблему территориальной целостности страны и тем самым снять формальное препятствие для вступления к НАТО. Вторжение грузинских войск в августе 2008 года в неподконтрольную Тбилиси Южную Осетию, сопровождавшееся многочисленными жертвами, в том числе со стороны российских миротворцев, привело к войне на Кавказе и новому — после Косово и Ирака — острому кризису в отношениях России и Запада.

Подводя итоги этого периода, в целом совпадающего с первыми двумя сроками путинского президентства, приходится констатировать, что договориться с Западом по вопросам европейской безопасности на основе разграничения сфер интересов у Москвы не получилось: США и Евросоюз такой подход отвергли с порога. Сохранить стратегический буфер на западе — пояс нейтральных государств между Россией и странами НАТО — Москве также не удалось. Вслед за Восточной Европой (1999 год), Прибалтикой (2004 год), Восточными Балканами (2007 год) НАТО была теперь готова продвинуться на Украину и в Закавказье. Опереться

на партнеров в Германии и Франции в попытке остановить это движение оказалось невозможным.

Несмотря на общие пространства и многочисленные саммиты, российско-европейские отношения остались неинституционализированными. Личные связи Путина работали, пока его партнеры находились у власти, и не были продолжены с их преемниками — канцлером Германии Ангелой Меркель и президентом Франции Николя Саркози. Европа элит оказалась гораздо более атлантической, чем собственно европейской. Она еще могла оставаться экономическим партнером России, но политическое взаимодействие с Москвой оказалось поверхностным и малоэффективным. Геополитика и безопасность оставались прерогативой НАТО, фактически США. В этих условиях единственной преградой для дальнейшего расширения НАТО стало прямое военное столкновение Грузии, кандидата на вступление в альянс, с Россией. Риск быть втянутыми в войну с ядерной державой был признан на Западе чрезмерным.

• • •

В 2008 году Владимир Путин, отработав два срока в Кремле, выдвинул на президентский пост своего протеже Дмитрия Медведева. Медведев, избранный третьим президентом Российской Федерации, в свою очередь назначил Путина председателем Правительства России. В результате возник политический тандем, в котором ведущую роль играл Путин, однако Медведев, формально являясь главой государства, получил известную автономию в принятии некоторых решений, включая внешнеполитические. Отдавая Дмитрию Медведеву должное, логично тем не менее рассматривать его четырехлетнее президентство как часть «путинского» периода российской внешней политики.